

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ

© Л.Б.Савенкова

Объектом исследования являются пословицы – устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, обладающие переносным смыслом по сравнению с деривационной базой и пригодные для употребления в дидактических целях. Предметом анализа выступает такой когнитивный механизм, как отрицательное сравнение. Когда в семантическую структуру этих паремий входит отрицательное сравнение или сопоставление, его основание оказывается неопределенным. Они сообщают лишь об отсутствии тождества двух сущностей. При внешнем структурно-грамматическом сходстве пословицы с отрицательным сравнением/сопоставлением позволяют передать различные логические отношения: отрицание включения, отрицание причинно-следственных связей, пересечение понятий, противопоставление сущностей.

Ключевые слова: паремия, пословица, семантическая структура, сравнение, отрицательное сравнение, сопоставление, логические отношения.

Объектом настоящего исследования служат паремии – устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях, точнее две их разновидности – пословицы и поговорки. Различие между ними видится в характере семантической структуры: в то время как пословицы предполагают обязательное наличие переносного смысла по сравнению с деривационной базой, вторые бытуют в качестве периферийных составных знаков, существование которых в кругу языковых явлений обеспечивается за счет содержащегося в них обобщения. Предметом анализа выступает такой когнитивный механизм, как отрицательное сравнение.

Традиционная характеристика пословиц как «сокровищницы народной мудрости» [1: 3] неизбежно приводит исследователя к мысли об их потенциальной дидактичности. Однако стоит помнить, что пригодность к использованию этих паремий в целях назидания обусловлена наличием в их семантике результатов множественной аналитической практики, то есть квантов знания о человеке и окружающем его мире. Знание о типовых ситуациях или отношениях, заложенное в пословицах (ср. утверждение Г.Л.Пермякова: «пословицы и поговорки являются знаками ситуаций или определенных отношений между вещами» [2: 19]), опирается на различные типы познавательных структур, которые А.Дандис назвал «пословичными архитектурными или композиционными формулами». Среди характерных он указал, например, такие: «“Лучше одно, чем другое” (например, *Лучше поздно, чем никогда; Лучше невредимый, чем несчастный; Лучше согнутый, чем сломанный*); <...> “То-то есть то-то” (например, *Сделка есть сделка*); “Нечто никогда

не случается” (например, *Лающие собаки никогда не кусают*); “Одно или другое” (например, *Сделай или умри!*)» [3: 16]. Приведенные примеры позволяют заключить, что степень абстрактности выявляемых формул неодинакова. Так, если формула «То-то есть то-то» в принципе может охватить широкий круг паремий разнообразной синтаксической структуры, сводимых не только к атрибутивным (*Наличные денежки – колдунчики* [4: 59]; *Красное словцо не ложь* [4: 155]), но и к реляционным суждениям, поскольку грань между ними оказывается зыбкой (пословицу *И барину деньга господин* [4: 59] можно свести к разным суждениям: а) к атрибутивному суждению тождества: ‘То-то есть то-то’, деньги – большая сила, 2) к суждению отношения между двумя предметами: ‘То-то побеждает / превышает то-то’, деньги сильнее власти), то формула «Нечто никогда не случается» соответствует только одному типу – атрибутивному суждению.

Следует также отметить, что далеко не все пословицы сводятся к суждениям: в их числе есть и изречения, выражающие побуждение, ср.: *Береги платье снову, а честь – смолоду* [5: 143]; *С сумой да с тюрьмой не бранись* [4: 72]. Все это говорит о сложности выделения «архитектурных формул» пословиц.

Можно – и, видимо, даже рациональнее – исследовать семантическую структуру пословиц, опираясь не на собственно логическую, а на лингвистическую (в том числе синтаксическую, лингвостилистическую, лингвопрагматическую) их специфику. В этом плане ученые неоднократно предпринимали успешные попытки анализа паремий. Так, следует отметить ряд трудов Т.Г.Бочинной о лингвистическом воплощении противопоставления в пространстве пословиц [6-8 и др.],

исследования Е.И.Селиверстовой, посвященные пословичному биному или отсылающие к нему [9-10], и т.д.

Важно отметить, что пословицы различной семантической структуры объединены одним общим началом – возможностью проведения аналогии, которая обеспечивается обязательным присутствием образа. В случаях, когда пословица семантика опирается на целостное переосмысление деривационной базы, аналогия имплицирована, и ее должен проводить адресат пословицы, исходя из накопленного опыта и объема собственной когнитивной базы. Как подчеркивает М.А.Черкасский, «внешняя мотивация» пословицы «осуществляется в виде ассоциаций, связывающих индивидуальную ситуацию, эксплицитно выраженную в тексте паремии, с соответствующим ситуативным классом, “образ” которого заранее существует в тезаурусе (т.е. запасе априорной информации) носителей данной паремиологической системы» [11: 39]. Если же семантика пословицы аналитична, аналогия иницируется компонентами лексического или лексико-синтаксического характера, ср.: *Богатому жаль корабля, убогому – кошеля* [4: 72]; *Лучше жить со змеєю, чем со злою женою* [4: 294].

С точки зрения семиотики пословица относится к числу знаков, совмещающих свойства языковых и дискурсивных, поскольку, с одной стороны, номинирует, маркирует некую типовую ситуацию, а с другой – представляет собой микротекст (подробнее об этом см. [12: 81-93]). Не случайно фольклористы рассматривают ее как специфический фольклорный жанр. Размышляя о значении поэтического (то есть художественного) произведения для автора и читателя, А.А.Потебня отмечает, что в его тексте отражается процесс познания: «Как бы ни было сложно поэтическое произведение, оно может быть сведено к следующей схеме: нечто, которое мы означаем через *x*, неясное для автора, существующее в виде вопроса для него, ищет ответа. Ответ автор может найти только в предшествующем, уже приобретённом, или нарочно расширяемом содержании своей мысли. Это содержание мы означим через *A*. ... *x* как будто отталкивается из *A* всё для него неподходящее и привлекает сродное: это последнее соединяется в образе *a*, и происходит суждение: *x* я представляю себе в виде *a*» [13: 121-122]. Данное высказывание отчётливо отражает неоднократно повторяемую в разных работах учёного мысль о том, что основой познания мира человеком оказывается сравнение.

Осуществляя познание, человек воплощает его в речи, а затем закрепляет в языке. Именно

поэтому А.А.Потебня отмечает изоморфность механизмов передачи нового знания через известное при создании как художественного текста, так и языкового знака – слова. Однако в кругу языковых знаков слова образуют лишь ядро соответствующей семиотической системы. Периферию же заполняют единицы, у которых номинативная функция хотя и не утрачивается, но перестаёт быть главной, уступая место характеризующей, оценочной, дидактической, систематизирующей, а иногда – их комбинациям. В частности, речь идёт о пословицах и поговорках. Если смысл поговорки прозрачен, то пословицы существуют в активном употреблении лишь при условии сохранения живой внутренней формы. В их числе встречаются такие, образную основу которых составляет собственно сравнение – «грамматически оформленное образное сопоставление двух явлений, целью которого является выделение важного для говорящего признака объекта речи» [14: 334] (например: *Все люди, как люди, а мой муж, как поршень* (обувь, шерстью наружу) [4: 117]; *Свои ножки, что дрожки; встал да пошел*) [5: 287]) или сопоставление, указывающее на соотносительную значимость, ценность двух объектов (например: *Бережь лучше прибýtка* [4: 84]; *Ласковое слово лучше мягкого пирога* [5: 209]).

В части случаев предмет внимания открыто сравнивается или сопоставляется с другим, сходство обоих оказывается явным и отчётливо осознаваемым, если основание сравнения / сопоставления эксплицировано, ср.: *Умен, как поп Семен: книги продал, а карты купил* [4: 342] (признак сходства назван открыто: *книги продал, а карты купил*); *Скупые, что пчелы: мед собирают, да сами умирают* [4: 79] (часть после двоеточия служит развертыванию сравнения путем указания на невозможность для пчел сохранить жизнь, несмотря на наличие запасов); *Коза на горе выше коровы в поле* (основание сопоставления эксплицитно указывает способность человека соотносить на глаз пространственные параметры вещей и слово *выше*).

В других случаях имплицированное основание сравнения / сопоставления легко восстанавливается благодаря знанию носителей языка о взаимосвязях конкретных предметов в реальности или общему когнитивному опыту, ср.: *Лучше быть молотом, чем наковальней* (знание ситуацииковки металла позволяет понять, что основанием для сопоставления выступает степень активности или даже агрессивности субъектов); в пословице *Ни отец до детей, как Бог до людей* [4: 23] народное сознание выделяет основание «заботливость», зная, что отец по отношению к

детям выступает как глава семьи, субъект, проявляющий заботу, оберегающий их от опасностей и т.п., а Бог играет эту же роль по отношению к людям вообще и делает это гораздо лучше, чем даже родной отец.

Можно видеть, что в перечисленных устойчивых фразах познание действительности, заключённое в семантике паремии, носит направленный характер. Адресат сообщения получает уточнённые сведения о качестве, свойстве или ценности предмета речи.

Паремии с имплицированным основанием сравнения, которое однозначно восстановить сложно (*Баба – что жаба* [4: 275]), крайне редки, что обусловлено самой их функциональной нацеленностью: если участнику акта коммуникации неясно, в чем состоит сходство сравниваемых вещей, использовать такие изречения в дидактических целях затруднительно, и они со временем исчезают из речевого обихода.

Паремииологическое пространство русского языка включает и небольшое количество таких изречений, в которых операция сравнения или сопоставления не ведёт к прямому указанию на чётко сформулированное или явно прогнозируемое сходство, сообщается лишь об отсутствии тождества между сравниваемыми сущностями, а основание сравнения оказывается широким, неопределённым, и тем не менее сами единицы сохраняют прозрачность смысла. Внешняя неопределённость, расплывчатость результата познания обеспечивается введением в грамматическую структуру такой паремии отрицания, ср.: *Девки не люди, козы не скотина* [5: 204]; *Спесь не ум* [5: 292]; *Домом жить – не разиня рот ходить* [5: 76]. Чем или каким не является некий субъект, отмечается в данных паремиях с опорой на стереотипы, ср.: *Наш Иуда не как люди* [5: 156] – достойный называться человеком не может быть предателем, как Иуда; *Жил – не сосед; помер – не крестьянин (не покойник)* [4: 223] – тот, кто не считал обязательным поддерживать добрососедские отношения при жизни, не достоин быть похоронен в соответствии с принятой христианской обрядностью, чтобы заслужить вечный покой; *Жил не крестьянин, умер не родитель* [4: 368] – того, кто жил не по-христиански, после смерти даже его дети не оплакивают, как положено оплакивать родителя. Анализ материала приводит к заключению, что именно такая структура заставляет привлечь к интерпретации сравнения более обширное знание, чем у паремий, содержащих «положительное» сравнение или сопоставление.

При внешнем структурно-грамматическом сходстве подобные паремии обнаруживают раз-

личные логические отношения между сопоставляемыми объектами: отрицание включения (*Дождевик, не гриб* [5: 118]; *Чужой сын – не детище* [5: 102]); отрицание причинно-следственных связей (*Старость – не радость* [4: 278]; *Масляна головка (щеголь) – отцу-матери не кормилец* [5: 80]); пересечение понятий (*Бородуля (баба с бородой) не мужик* [5: 170]; *Рифмоплет – не поэт* [4: 334]; *Глупость – не порок* [4: 346]); противопоставление сущностей (*Вощина – не сомы, голдовня – не толк* [4: 364]; *Проданная скотинка не своя животинка* [5: 36]; *Такой сякой барин, а все не мужик* [5: 181]).

Стоит заметить, что в рамках одной паремии обращение к отрицательному сравнению может реализовать параллельно различные логические связи. Это наблюдается в тех изречениях, которые включают несколько предикативных частей. Рассмотрим одну конкретную единицу: *Курица не птица, а баба не человек* [4: 275].

Отрицание включения наблюдается в первой её части, содержащей в своём составе видовое и родовое наименования (*курица, птица*). Видовое понятие здесь не входит в число стереотипных, поскольку с точки зрения народного сознания гипонимически обозначенный объект не обладает, а точнее, не в должной мере обладает характерным признаком наиболее ярких представителей упоминаемого рода: птицу от не-птицы отличает способность летать, курица гораздо чаще ходит по земле, чем перемещается по воздуху. Любопытно, однако, что представление о характерности признака реалии ситуативно. К примеру, другая, сходная с названной, паремия – *Синица не птица, прапор не офицер* [5: 179] – отказывает в статусе птицы синице, бесспорно, летающему пернатому. Очевидно, в этом изречении в качестве значимого признака птицы избирается не способность летать, а возможность оцениваться в качестве желанной, значимой добычи охотника (вспомним: *Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки* [5: 130]).

Но вернёмся к паремии *Курица не птица, а баба не человек*, а именно ко второй её части. На первый взгляд, в паре *баба – человек* также реализуется отношение включения (человеком с биологических позиций является лицо как мужского, так и женского пола). В соответствии с современным значением слова *человек* именно гипогиперонимические отношения и усматриваются иногда в анализируемой паремии носителями языка, ср. употребление паремии в следующем контексте: *«Курица – не птица, баба – не человек*. Это, конечно относится не ко всем, но отдельные экземпляры точно подходят под это определение. (Далее автор повествует о том, что во

время дождя незнакомая девушка отказалась поделиться с ним местом под зонтиком – Л.С.) Либо девочка с интеллектом чуть выше табуретки думает, что с ней знакомятся, а дождь тут не причем ... Либо у нее просто отсутствует элементарная человечность ..., подтверждая знаменитую фразу “Курица – не птица, баба – не человек”» [15] (в примере сохранена орфография и пунктуация оригинала – Л.С.). Как видим, автор отказывает особе женского пола в человечности, то есть гуманности – качестве, гендерно не маркированном.

С позиций древнерусского менталитета *человеком* назывался прежде всего тот, кто обладал разнообразными правами, в том числе правами на собственность и самостоятельность. А это был мужчина, которому противопоставлялась *баба* (замужняя женщина), собственности не имевшая и подчинённая мужу. Поэтому и сегодня, указывая, что *баба не человек*, авторы высказываний чаще всего имеют в виду не отношение включения, а отношение противопоставления двух видовых наименований, ср. примеры из Национального корпуса русского языка [16] и некоторых других Интернет-источников: «Женщин в политике должно быть больше потому, что нам надо освобождаться от азиатского стереотипа “курица не птица, баба не человек”» (А. Братерский. Женщины идут. Слабый пол хочет показать силу в политике) [16]; «Отморозков, считающих, что курица – не птица, а женщина – не человек, и себя превозносящих до небес, в городе сколько угодно!» (М.Милованов. Кафе «Зоопарк») [16]; «... коллектив там процентов на 80 мужской. ... У меня сложилось впечатление ..., что в этой организации культивируется такая точка зрения, что курица не птица, баба не человек. И никто меня, глупую женщину, не допустит до непосредственно юридической работы, для этого же мужчины есть, а твое женское дело – сидеть и данные в табличку заносить. Вот такая вот дискриминация по половому признаку» [17]) и др.

Стоит заметить, что гиперонимы в подобных паремиях могут трансформироваться, поднимаясь на новый уровень абстрактности семантики, ср. пары *рак – рыба* (обитатель водной среды) и *непотырь – птица* (летающий представитель фауны) в паремии *Не скот в скоте – коза, не зверь в зверях – еж, не рыба в рыбах – рак, не птица в птицах – непотырь, не муж в мужьях, кем жена владеет* [4: 291].

Далеко не всегда смысл паремий с отрицательным сравнением сводится к чистой констатации нетождественности двух сущностей. Уточнение характера связей между ними, меры

их различия могут реализоваться в особой синтаксической структуре «кто кому не кто» /«что чему не что», ср.: *Богатый бедному не брат* [4: 58]; *Горшок котлу не товарищ* [5: 118]; *Сапог лаптю не ровня* [5: 226] и др.

В ряде паремий с отрицательным сравнением подчеркивается, что комплекс свойств сопоставляемого субъекта мыслится как неизменный. Попытки улучшить набор его характеристик паремии признают безуспешными: *Сколько утка ни бодрись, а лебедем не быть* [5: 269]; *Хоть под небеса летай, а сове соколом не быть* [5: 270]; *Хоть тресни синица, а не быть журавлем* [5: 283]; *Курице не петь петухом (а и спеть, так на свою голову)* [5: 283]. Категоричность оценки объекта сопоставления, убежденность в невозможности повысить его ценность подчёркивается введением инфинитива *быть* с отрицанием *не*.

Стоит все же отметить, что далеко не все паремии с отрицательным сравнением нацеливают адресата на самостоятельный поиск основания сравнения. Стремление к дидактичности заставляет народное сознание формулировать оценку характеризуемого субъекта или вещи двумя основными способами. Во-первых, в ряде паремий (которые могут ситуативно выступать то как пословицы, то как поговорки) акцентируется внимание на существенном (облигаторном) признаке стереотипа, ср.: *Без топора не плотник, без иглы не портной* [5: 26]; *Без коня не казак* [5: 178]; *Без блина не маслена* [5: 257]. Во-вторых, подобно паремиям, в которых сравнение не соединяется с негативацией, в пословицах и поговорках с отрицательным сравнением возможно появление пояснения, например, за счет указания на условие (*Холоден, голоден – царю не слуга* (солдатск.) [4: 191]; *Продешевил, так не купец* [4: 375]) или причину нетождественности сравниваемых сущностей: *Девка не жена: порода не одна* [5: 204]; *Бог не свой брат, не увернешься* [4: 25]; *Хмельной не больной: проспится* [5: 244].

В целом отрицательное сравнение / сопоставление в паремиях выступает как специфический способ систематизации знаний о мире, поскольку позволяет не только увидеть сходство характеризуемого или оцениваемого явления или предмета с уже известным ранее, но и вписать его в круг разнообразных логических отношений.

*****

1. Шолохов М. Сокровищница народной мудрости // Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 1. – С. 3–4.
2. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М.: «Наука», 1970. – 240 с.

3. Дандис А. О структуре пословицы // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М.: «Наука», 1978. – С. 13 – 34.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: «Художественная литература», 1984. – Т. 1. – 383 с.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: «Художественная литература», 1984. – Т. 2. – 399 с.
6. Бочина Т.Г. Стилистика контраста. Очерки по языку русских пословиц. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. – 196 с.
7. Бочина Т.Г. Стилистические приемы контраста как система с полевой структурой // Филология и культура. Philology and Culture. – 2010. – № 1 (19). – С. 25 – 29.
8. Бочина Т.Г. Семантическое пространство интернет-игры в антифразы // Ученые записки Казанского университета. – Т. 153. – Кн. 6. – Гуманитарные науки. – Казань, 2011. – С. 140–149.
9. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. – СПб.: ООО «МИРС», 2009. – 270 с.
10. Селиверстова Е.И. Национальная самобытность пословиц в свете данных многоязычных словарей // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3. – С. 58 – 61.
11. Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (Пословицы и афоризмы) // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М.: «Наука», 1978. – С. 35 – 52.
12. Савенкова Л.Б. Русская паремииология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – 240 с.
13. Потемня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 55 –131.
14. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
15. Курица – не птица, баба – не человек / Мужской форум – мужские разговоры // Volchat.ru: Форум волчат, 2012. URL: <http://www.volchat.ru/forum/> (дата обращения: 12.12.2014).
16. Национальный корпус русского языка: информационно-справочная система. – НКРЯ, 2003-2015. URL: www.ruscorgo.ru (дата обращения: 22.12.2014).
17. Курица не птица? (//// // «Живой Журнал» – блог-платформа для ведения онлайн-дневников, 1999-2015. URL: <http://sunezhik.livejournal.com/3531.html> (дата обращения: 20.01.2015).

NEGATIVE SIMILES WITHIN THE SEMANTIC STRUCTURE OF RUSSIAN PAROEMIAE

L.B.Savenkova

The subject of the research is proverbs, which are defined as anonymous aphorisms, stable in the language and reproducible in speech, which have a figurative meaning as distinct from their derivational base, and are suitable for some didactic purposes. The subject matter analyzed is a cognitive mechanism dubbed a negative simile. When the semantic structure of such paroemiae includes a negative simile or juxtaposition, its base turns out to be indefinite. All they signal is the lack of sameness between two entities. Having certain outward structural and grammatical similarities, paroemiae based on a negative simile/juxtaposition make it possible to convey various logical relations: the negation of inclusion, the negation of cause-and-effect relationship, overlapping in meanings, and the contrast between entities.

Key words: paroemia, proverb, semantic structure, simile, negative simile, juxtaposition, logical relations.

*****

1. Sholoxov M. Sokrovishhnica narodnoj mudrosti // Poslovicy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya v dvux tomax. – М.: Xudozhestvennaya literatura, 1984. – Т.1. – С. 3 – 4. (in Russian)
2. Permyakov G.L. Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshhej teorii klishe). – М.: «Наука», 1970. – 240 с. (in Russian)
3. Dandis A. O strukture posloviцы // Paremiologicheskij sbornik. Poslovica. Zagadka (Struktura, smysl, tekst). – М.: «Наука», 1978. – С. 13 –34. (in Russian)
4. Dal' V.I. Poslovicy russkogo naroda. – М.: «Художественная литература», 1984. – Т. 1. – 383 с. (in Russian)
5. Dal' V.I. Poslovicy russkogo naroda. – М.: «Художественная литература», 1984. – Т. 2. – 399 с. (in Russian)
6. Bochina T.G. Stilistika kontrasta. Ocherki po yazyku russkix posloviц. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2002. – 196 с. (in Russian)
7. Bochina T.G. Stilisticheskie priemy kontrasta kak sistema s polevoj strukturoj // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. – 2010. – № 1 (19). – С. 25 – 29. (in Russian)
8. Bochina T.G. Semanticheskoe prostranstvo internet-igry v antifrazy // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. – Т. 153. – Кн. 6. – Gumanitarnye nauki. – Kazan', 2011. – С. 140–149. (in Russian)

9. *Seliverstova E.I.* Prostranstvo russkoj poslovice: postoyanstvo i izmenchivost'. – SPb.: ООО «MIRS», 2009. – 270 s. (in Russian)
10. *Seliverstova E.I.* Nacional'naya samobytnost' poslovic v svete dannyx mnogoyazychnyx slovarej // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2014. – № 3. – S. 58 – 61. (in Russian)
11. *Cherkasskij M.A.* Opyt postroeniya funkcional'noj modeli odnoj chastnoj semioticheskoj sistemy (Poslovice i aforizmy) // Paremiologicheskij sbornik. Poslovica. Zagadka (Struktura, smysl, tekst). – M.: «Nauka», 1978. – S. 35 – 52. (in Russian)
12. *Savenkova L.B.* Russkaya paremiologiya: semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. – Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2002. – 240 s. (in Russian)
13. *Potebnya A.A.* Iz lekcij po teorii slovesnosti. Basnya. Poslovica. Pogovorka // Teoreticheskaya poe'tika. – M.: Vysshaya shkola, 1990. – S. 55 –131. (in Russian)
14. *Matveeva T.V.* Uchebnyj slovar': russkij yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika. – M.: Flinta : Nauka, 2003. – 432 s. (in Russian)
15. Kurica – ne ptica, baba – ne chelovek / Muzhskoj forum – muzhskie razgovory // Volchat.ru: Forum volchat, 2012. URL: <http://www.volchat.ru/forum/> (data obrashheniya: 12.12.2014). (in Russian)
16. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: informacionno-spravocchnaya sistema. – NKRYa, 2003-2015. URL: www.ruscorpora.ru (data obrashheniya: 22.12.2014). (in Russian)
17. Kurica ne ptica? (((((// «Zhivoj Zhurnal» – blog-platforma dlya vedeniya onlajn-dnevnikov, 1999-2015. URL: <http://sunezhik.livejournal.com/3531.html> (data obrashheniya: 20.01.2015). (in Russian)

* * * * *

Савенкова Людмила Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

344006, Россия, Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93.
E-mail: savenkova@sfedu.ru, as53@bk.ru

Savenkova Liudmila Borisovna – Doctor of Philology Professor, Department of the Russian Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University.

93 Universitetsky Lane, Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: savenkova@sfedu.ru, as53@bk.ru

Поступила в редакцию 02.02.2015